

Вступление

Если ясное и очевидное само себя объясняет, то загадка будит творческую мысль. Вот почему исторические личности и события, окутанные дымкой загадочности, ждут от нас все нового осмысления и поэтического истолкования. Классическим, коронным примером того неистощимого очарования загадки, какое исходит порой от исторической проблемы, должна по праву считаться жизненная трагедия Марии Стюарт. Пожалуй, ни об одной женщине в истории не создана такая богатая литература — драмы, романы, биографии, дискуссии. Уже три с лишним столетия неустанно волнует она писателей, привлекает ученых, образ ее и поныне с неослабевающей силой тревожит нас, добиваясь все нового воспроизведения. Ибо все запутанное по самой природе своей тяготеет к ясности, а все темное — к свету.

Но все попытки отобразить и истолковать загадочное в жизни Марии Стюарт столь же противоречивы, сколь и многочисленны: вряд ли найдется женщина, которую бы рисовали так по-разному — то убийцей, то мученицей, то неумелой интриганкой, то святой. Однако разноречивость ее портретов, как ни странно, вызвана не скудостью дошедших сведений, а их смущающим изобилием. Сохранившиеся документы, протоколы, акты, письма и сообщения исчисляются тысячами — ведь что ни год, вот уже триста с лишним лет, все новые

судьи, обуянные новым рвением, решают, виновна она или невиновна. Но чем добросовестнее изучаешь источники, тем с большей грустью убеждаешься в сомнительности всякого исторического свидетельства вообще (а стало быть, и изображения). Ибо ни тщательно удостоверенная давность документа, ни его архивная подлинность еще не гарантируют его надежности и человеческой правдивости. На примере Марии Стюарт, пожалуй, особенно видно, с какими чудовищными расхождениями описывается одно и то же событие в анналах современников. Каждому документально подтвержденному «да» здесь противостоит документально подтвержденное «нет», каждому обвинению — извинение. Правда так густо перемешана с ложью, а факты с выдумкой, что можно, в сущности, обосновать любую точку зрения. Если вам угодно доказать, что Мария Стюарт была причастна к убийству мужа, к вашим услугам десятки свидетельских показаний; а если вы склонны отстаивать противное, за показаниями опять-таки дело не станет: краски для любого ее портрета всегда смешиваются заранее. Когда же в сумятицу дошедших до нас сведений вторгается еще и политическое пристрастие или национальный патриотизм, искажения принимают и вовсе злостный характер. Такова уж природа человека, что, оказавшись между двумя лагерями, двумя идеями, двумя мировоззрениями, спорящими, быть или не быть, он не может устоять перед соблазном примкнуть к той или другой стороне, признать одну правой, а другую неправой, обвинить одну и воздать хвалу другой. Если же, как в данном случае, и сами авторы в большинстве своем принадлежат к одному из борющихся направлений, верований или мировоззрений, то однобокость их взглядов заранее предопределена; в общем и целом авторы-протестанты возлагают всю вину на Марию Стюарт, а католики — на Елизавету. Ан-

гличане, за редким исключением, изображают ее убийцей, а шотландцы — безвинной жертвой подлой клеветы. Особенно много споров вокруг «писем из ларца»; если одни клятвенно защищают их подлинность, то другие клятвенно ее опровергают. Словом, все до мелочей подцвечено здесь партийным пристрастием. Быть может, поэтому англичанин и нешотландец, свободный от такой кровной зависимости и заинтересованности, более способен судить объективно и непредвзято; быть может, художнику, охваченному хоть и горячим, но не партийно-пристрастным интересом, скорее дано понять эту трагедию.

Конечно, и с его стороны было бы непросчительной смелостью утверждать, будто он знает непреложную правду обо всех обстоятельствах жизни Марии Стюарт. Единственное, что ему доступно, — это некий максимум вероятности, и даже то, что он по всему своему разумению и всей совести сочтет за объективную точку зрения, неизбежно будет носить черты субъективности. Поскольку источники загрязнены, ему приходится в мутных струях искать свою правду. И так как показания современников противоречивы, он вынужден на этом процессе в каждой мелочи выбирать между свидетелями обвинения и свидетелями защиты. Но как бы ни осмотрителен был его выбор, в иных случаях он поступит всего честней, снабдив свое суждение вопросительным знаком и признав, что тот или иной эпизод в жизни Марии Стюарт остался темным, недоступным исследованию и таким, должно быть, останется навсегда.

Поэтому автор представленного здесь опыта взял себе за правило не обращаться к показаниям, исторгнутым пыткой и другими средствами запугивания и насилия: тот, кому дорога истина, не станет полагаться на вынужденные показания как на заслуживающие доверия. Точно так же и донесения шпионов и послов (в те

времена понятия почти равнозначные) лишь с величайшим отбором принимаются здесь во внимание и каждый отдельный документ берется под сомнение; и если автор держится взгляда, что сонеты, а также большая часть «писем из ларца» достоверны, то пришел он к этому, тщательно взвесив все обстоятельства, а также основываясь на мотивах внутреннего характера. Повсюду, где в архивных документах сталкиваются два противоречивых утверждения, автор каждое из них возводил к его истокам и политическим мотивам, и если бывал вынужден сделать между ними выбор, всегда соотносился с тем, насколько данный поступок психологически созвучен характеру в целом, что и было для него конечным мерилom.

Ибо сам по себе характер Марии Стюарт не представляет загадки, он противоречив лишь во внешнем своем развитии, внутренне же монолитен и ясен от начала до конца. Мария Стюарт принадлежит к тому редкому, глубоко впечатляющему типу женщин, чья способность к бурным переживаниям как бы ограничена коротким сроком, к женщинам, которые знают лишь мгновенный пышный расцвет и расточают себя не постепенно, а словно сгорая в горниле одной-единственной страсти. До двадцати трех лет чувства ее все еще покоятся тихой заводью, да и потом, начиная с двадцати пяти, ни разу не всколыхнутся они бурным прибоем, и только в течение короткого двухлетия клокочет разбушевавшаяся стихия — так обычная, будничная судьба превращается в трагедию античного масштаба, великую и величаво развивающуюся трагедию, подобную «Орестее». Лишь за это двухлетие предстает перед нами Мария Стюарт поистине трагической фигурой, только под этим давлением поднимается она над собой, разрушая в неистовом порыве свою жизнь и в то же время сохраняя ее для вечности. Только благодаря страсти,

убившей в ней все человеческое, имя ее еще и сегодня живет в стихах и спорах.

Этой необычайной уплотненностью внутренней жизни, сведенной к единственному мгновенному взрыву, предуказаны форма и ритм всякого жизнеописания Марии Стюарт; задача художника — воспроизвести эту круто взлетающую и так же внезапно ниспадающую кривую во всем ее неповторимом своеобразии. А потому да не сочтут произволом, что таким большим отрезкам времени, как первые двадцать три года жизни, а также без малого двадцать лет заточения, здесь отведено столько же места, сколько двум годам ее трагической страсти. В жизни человека внешнее и внутреннее время лишь условно совпадают; единственно полнота переживаний служит душе мерилom: по-своему, не как холодный календарь, отсчитывает она изнутри череду уходящих часов. В опьянении чувств, блаженно свободная от пут и благословенная судьбой, она может в кратчайший миг узнать жизнь во всей полноте, чтобы потом, отрешившись от страсти, снова впасть в пустоту бесконечных лет, скользких теней, глухого Ничто. Вот почему в прожитой жизни идут в счет лишь напряженные, волнующие мгновения, вот почему единственно в них и через них поддается она верному описанию. Лишь когда в человеке разыграют его душевные силы, он истинно жив для себя и для других; только когда его душа раскалена и пылает, становится она зримым образом.

Действующие лица

Первое место действия — Шотландия 1542—1548

Второе место действия — Франция 1548—1561

Третье место действия — Шотландия 1561—1568

Четвертое место действия — Англия 1568—1587

ШОТЛАНДИЯ

ИАКОВ V (1512—1542),

отец Марии Стюарт

МАРИЯ ДЕ ГИЗ ЛОТАРИНГСКАЯ

(1515—1560),

его супруга, мать Марии Стюарт

МАРИЯ СТЮАРТ (1542—1587)

ДЖЕЙМС СТЮАРТ, граф Меррейский

(1533—1570),

внебрачный сын Иакова V и Маргариты Дуглас,
дочери лорда Эрскина, сводный брат Марии Стюарт,
регент Шотландии до и после правления Марии Стюарт

ГЕНРИХ ДАРНЛЕЙ (Стюарт) (1546—1567),

правнук Генриха VII по матери, леди Ленокс,
племяннице Генриха VIII. Второй супруг Марии Стюарт,
возведенный ею на шотландский престол

ИАКОВ VI (1566–1625),
сын Марии Стюарт и Генриха Дарнлея.
После смерти Марии Стюарт (1587) — полноправный
шотландский король, после смерти Елизаветы (1603) —
английский король Иаков I

ДЖЕЙМС ХЕПБЕРН, граф Босуэлский
(1536–1578),
позднее — герцог Оркнейский,
третий супруг Марии Стюарт

УИЛЬЯМ МЭЙТЛЕНД ЛЕТИНГТОНСКИЙ,
государственный канцлер Марии Стюарт

ДЖЕЙМС МЕЛВИЛ,
дипломатический агент Марии Стюарт ДЖЕЙМС
ДУГЛАС, граф Мортонский, после убийства Меррея —
регент Шотландии, казнен в 1581 году

МЭТЬЮ СТЮАРТ,
граф Ленокский, отец Генриха Дарнлея;
обвинял Марию Стюарт
в убийстве своего сына

АРГАЙЛ
АРАН
МОРТОН ДУГЛАС
ЭРСКИН
ГОРДОН
ГАРРИС
ХАНТЛЕЙ
КЕРКОЛДИ ГРЕЙНДЖСКИЙ
ЛИНДСЕЙ
МАР
РУТВЕН

ДЖОН НОКС (1505–1572),
проповедник реформатской церкви,
главный противник Марии Стюарт

ДАВИД РИЧЧО,
музыкант, секретарь Марии Стюарт, убит в 1566 году

ПЬЕР ДЕ ШАТЕЛЯР,
французский поэт при дворе Марии Стюарт,
казнен в 1563 году

ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН,
гуманист, воспитатель Иакова VI,
автор наиболее злобных пасквилей на Марию Стюарт

ФРАНЦИЯ

ГЕНРИХ II (1518–1559),
с 1547 года французский король

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (1519–1589),
его супруга

ФРАНЦИСК II (1544–1560),
его старший сын, первый супруг Марии Стюарт

КАРЛ IX (1550–1574),
младший брат Франциска II,
после его смерти король Франции

АНГЛИЯ

ГЕНРИХ VII (1457–1509),
с 1485 года английский король, дед Елизаветы,
прадед Марии Стюарт и Дарнлея

ГЕНРИХ VIII (1491–1547),
его сын, правил с 1509 года

АННА БОЛЕЙН (1507–1536),
вторая супруга Генриха VIII; обвиненная в нарушении
супружеской верности, была казнена

МАРИЯ I (1516–1558),
вторая дочь Генриха VIII от брака
с Екатериной Арагонской,
после смерти Эдуарда VI (1553) — английская королева

ЕЛИЗАВЕТА (1533–1603),
дочь Генриха VIII и Анны Болейн,
при жизни отца считалась незаконнорожденной;
после смерти своей сводной сестры Марии (1558)
взошла на английский престол

ЭДУАРД VI (1537–1553),
сын Генриха VIII от третьего брака с Джоанной Сеймур,
ребенком обручен с Марией Стюарт,
с 1547 года — король

ИАКОВ I,
сын Марии Стюарт, преемник Елизаветы

УИЛЬЯМ СЕСИЛ,
лорд Берли (1520–1598),
всемогущий государственный канцлер Елизаветы

СЭР ФРЭНСИС УОЛСИНГЕМ,
государственный секретарь и министр полиции

УИЛЬЯМ ДЕВИСОН,
второй секретарь

РОБЕРТ ДАДЛЕЙ, граф Лестерский (1532–1588),
фаворит Елизаветы, предложенный ею
в супруги Марии Стюарт

ТОМАС ХОУАРД, герцог Норфолкский,
первый дворянин королевства,
претендовал на руку Марии Стюарт

ГОЛБОТ, граф Шрусберийский,
по поручению Елизаветы был стражем
Марии Стюарт в течение пятнадцати лет

ЭМИАС ПАУЛЕТ,
последний тюремщик Марии Стюарт

ПАЛАЧ города Лондона

Глава I

Королева-дитя

1542-1548

Марии Стюарт не исполнилось и недели, когда она стала королевой Шотландской; так с первых же дней заявляет о себе изначальный закон ее жизни — слишком рано, еще не умея радоваться, приемлет она щедрые дары фортуны. В сумрачный день в декабре 1542 года, увидевший ее рождение в замке Линлитгау, отец ее, Иаков V, лежит в соседнем Фокленде на смертном одре. Тридцать один год королю, а он уже сломлен жизнью, устал от власти и борьбы. Истинный храбрец и рыцарь, жизнелюбец по натуре, он страстно почитал искусство и женщин и был любим народом. Нередко, одетый простолюдином, посещал он сельские праздники, танцевал и шутил с крестьянами, и отчизна еще долго хранила в памяти сложенные им песни и баллады. Но, злосчастный наследник злосчастливого рода, он жил в смутное время в непокорной стране, и это решило его участь. Властный, наглый сосед Генрих VIII побуждает его насадить у себя Реформацию, но Иаков V остается верен католицизму, и этим разладом пользуется шотландская знать, вечно впутывающая жизнерадостного, миролюбивого короля в войны и смуты. За четыре года до смерти, когда он искал руки Марии де Гиз, Иаков V уже хорошо понимал, что значит быть королем наперекор строптивым и хищным кланам. «Madame, — писал